

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Материалы исследовательского семинара

«Социология религии»

ISSN 2221-7320

Теория дарообмена и формирование сообществ

Gift exchange theory and community building

Материалы семинара

2015

Серия:

Религия и социальная теория

Religion and Social Theory

Ларкина Татьяна

tlarkina@hse.ru

Юдин Григорий

gregloko@yandex.ru

2015

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ
исследовательский семинар

Исследовательский семинар «Социология религии»
www.socrel.pstgu.ru | socrel.pstgu@gmail.com
г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б

Татьяна Ларкина (НИУ ВШЭ/ПСТГУ), Григорий Юдин (НИУ ВШЭ/ПСТГУ)

Теория дарообмена и формирование сообществ¹

Формирование солидарности в условиях социальной атомизации – одна из ключевых теоретических и практических проблем социальной науки. Как можно реализовать сплочение разрозненных индивидов в устойчивое сообщество, преодоление частных интересов и поддержание коллективной жизни для обеспечения общего блага? В настоящей работе мы делаем попытку ответить на эти вопросы с помощью теории дарообмена. Наш основной аргумент состоит в том, что теория дарообмена обнаруживает базовые принципы социальной природы человека, за счёт которых возникает мотивация к сплочению сообщества. Эта мотивация намного сложнее стремления максимизировать ресурсы – она представляет собой комбинацию стремления одарить Другого и ответить на полученный дар с желанием получить признание и повысить статус. Мы рассмотрим действие этих мотивов через призму нескольких ключевых рубрик: логика дара; структура сообществ дарообмена и распределение власти; соотношение дарообмена и капиталистической экономики; конституирование и переживание времени в структурах дарообмена; функция трансцендентного в дарообмене. Специальное внимание мы уделим ресурсам для формирования религиозных общин на базе отношений дарообмена.

Ключевые слова: дарообмен; сообщество; православный приход; священник; капитализм; атомизация.

¹ Текст подготовлен в рамках программы научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2015 г. Он написан по итогам работы регулярного семинара «Теория дарообмена» под руководством Г. Юдина в Лаборатории «Социология религии» ПСТГУ в 2015 г. Этот текст опирается на материалы семинара и в значительной мере является результатом коллективных усилий. Мы выражаем благодарность всем участникам семинара за презентации и участие в обсуждениях.

Gift exchange theory and community building²

Since its inception social science has been concerned with producing solidarity from social atomization. How divided individuals can be united in a persistent community? How collective life and working towards common good can transcend narrow self-interest? In this paper we approach these questions from the perspective of the theory of gift exchange. Gift exchange reveals the fundamental principles of human social nature, which drive men to form communities. This kind of motivation can by no means be reduced to utility maximization, but combines the striving for giving and receiving with hunger for social status. We shall explore these motives within several key topics: the logic of gift exchange, structure of gift exchange communities and distribution of power in them, relationship between gift exchange and capitalist economy, constitution and experience of time within structures of gift exchange, function of the transcendent in gift giving. Special attention will be paid to the role of gift relationships in the building of religious communities.

Keywords: gift exchange; community; Orthodox parish; priest; capitalism; atomization.

² This paper is written within the framework of the program of PSTGU Development Foundation in 2015.

Введение

С момента возникновения социальной науки одной из основных проблем для неё являлось формирование и сохранение сплочённости между людьми. По этой причине «сообщество» как термин, выражающий естественную форму человеческого единства, стал ключевым для основоположников социологии³. Зародившись в условиях распада традиционных форм консолидации людей, социальная наука всегда проявляла чуткость к остаточным и новым формам существования сообществ. Однако найти стимулы для преодоления разрозненности – непростая задача в условиях, когда многие институты современного общества, от сильного государства до свободного рынка, подталкивают к индивидуализации и делают участие в коллективном действии нерациональным. Если основания, на которых прежде держалось человеческое сообщество, стали слишком шаткими, то на каком фундаменте можно выстроить его теперь?

Классическая проблематика социальной науки находит отклик в условиях современной России, где атомизация стала одной из ключевых характеристик социального мира. Низкая способность к коллективному действию, дискредитация стремлений к общему благу, слабая взаимная поддержка – всё это характерные признаки современности. С ними приходится иметь дело каждому, кто стремится реорганизовать жизнь, вдохнуть в неё гармоничное совместное существование. С этими проблемами вынужден сталкиваться и священник, стремящийся создать общину, которая объединяла бы прихожан. На что можно в этих случаях опереться? Какую помощь способна оказать здесь социальная теория?

В этой работе мы предлагаем ответ на эти вопросы с позиции теории дарообмена. Почему теория дарообмена? Помимо того, что это один из наиболее длительных и теоретически проработанных проектов в истории современной социальной науки, у него есть ряд содержательных достоинств. Во-первых, теория дарообмена изначально заявила себя как антропологический подход – то есть, как подход, который предлагает особый взгляд на человеческую природу⁴. Это означает, что все рассуждения в его рамках опираются на те неустрашимые особенности, которые присущи любому человеку, какой бы изменчивой ни казалась человеческая природа. Базовые мотивации, основные закономерности, связи между человеческими действиями и переживаниями с позиций теории дарообмена могут быть описаны в общих терминах. Благодаря этой широкой

³ Тённис Ф. *Общность и общество*. СПб.: Владимир Даль, 2002; Парк Р.Э. «Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок». *Социологическое обозрение* Т. 5, № 1. 2002. С. 11–18.

⁴ Мосс М. *Очерк о даре // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность*. М.: «Восточная литература»; РАН, 2001; Малиновский Б. *Аргonautы Западной части Тихого океана*. М.: РОССПЭН, 2001. См. обзор в: Sykes K. *Arguing with anthropology: An introduction to critical theories of the gift*. London; New York: Routledge, 2005.

претензии теория дарообмена привлекает внимание не только антропологов, но и философов, социологов, психологов, историков во всё мире⁵. На сегодняшний день это один из наиболее разработанных теоретических каркасов для осмысления отношений власти и неравенства, хозяйственного развития, политической мобилизации⁶.

Во-вторых, несмотря на свой универсализм, теория дарообмена обладает необходимой степенью историзма. Она не объявляет, что люди одинаковы в культурах всех исторических эпох, но предлагает систему понятий, с помощью которых можно объяснить различия между ними. Несомненно, в одних обществах поощряется разумное преследование собственного интереса, в других – принесение благ на общий алтарь, вплоть до самопожертвования. Но оба нормативных образца формируются из базовой матрицы дарообмена, просто один из них пытается справиться с агонистической направленностью дарообмена через радикализацию автономии, другой – через радикализацию взаимозависимости. Потенциал структур дарообмена, который эксплуатируется в том и другом случае, нуждается в дополнительном прояснении.

В-третьих, теория дарообмена, как и все основные теоретические проекты социальной науки (или даже в большей степени) изначально была ориентирована на объяснение человеческой социальности. Её не могли удовлетворить ни упрощённые объяснения общества как системы договоров, ни столь же упрощённые редукции связи между людьми к биологическому родству. В периоды, когда между людьми наблюдалось максимальное отчуждение и диссоциация, теория дарообмена уверенно предсказывала восстановление сообщества и то, какие формы примет это восстановление. Социальность для неё – не просто плод этичного поведения, преодоления человеческих страстей, но и не хрупкий результат насилия и принуждения. Людей связывает сложная комбинация эмоций и разумной приязни, стремление к трансцендентному и потребность в признании – система моральных законов, которые получили название принципов дарообмена и могут быть исследованы средствами социальной науки.

Наконец, теория дарообмена традиционно чувствительна к проблеме возможности совместного религиозного опыта. Хотя это секулярное знание, одной из задач антропологии дарообмена выступает социологическое объяснение причин, по которым

⁵ The Logic of the Gift: Toward an Ethic of Generosity / Ed. by A. Schrift. New York; Oxon: Routledge, 2008; The Gift: An Interdisciplinary Perspective / Ed. by A. Komter. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996; Liebersohn H. The Return of the Gift: European History of a Global Idea. New York: Cambridge University Press, 2011.

⁶ См., например: Strathern M. The Gender of the Gift: Problems with Women and Problems with Society in Melanesia. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1988; Yeh E. Taming Tibet: Landscape Transformation and the Gift of Chinese Development. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013; Grant B. The captive and the gift: cultural histories of sovereignty in Russia and the Caucasus. Ithaca: Cornell University Press, 2009.

религия сопровождает человечество на всём протяжении истории. Сообщества, интегрированные принципами дарообмена, часто возникают под сводом религии или вырабатывают религиозные институты сами. С другой стороны, поскольку принцип дара отсылает к основам человеческой социальности, ему уделяется значительное место в христианской теологии. Дарообмен – поле, на котором возможна продуктивная дискуссия между теологией и социальной наукой; и хотя данный текст не ставит себе задачу разворачивать такую дискуссию, мы всё же надеемся указать на общность тем двух разных видов знания, теологического и секулярного.

Следует также добавить, что, несмотря на значение теории дарообмена для социальной науки XX века в целом, в России этот подход остаётся малоизвестным⁷. Это во многом связано с непростой судьбой антропологии в СССР. Однако сегодня, когда вызовы для социальной науки в России во многом повторяют условия возникновения, теории дарообмена, нам кажется важным продемонстрировать её потенциал и указать на некоторые основные её составляющие.

«Теория дарообмена» – это скорее название общей рамки рассуждений, чем название для единого подхода. Среди исследователей дара нет единства по ряду важных вопросов, а классические тексты порождают множество взаимно противоречащих интерпретаций⁸. Поэтому наша работа не ставит цели изложить целостную теорию. Хотя у нас есть собственные предпочтения, мы намерены указать на перспективы, которые открывают разные подходы. При этом следует иметь в виду, что эти перспективы не всегда совместимы, и любой теоретический выбор имеет свою цену.

Данный текст построен следующим образом. В каждом разделе мы рассматриваем один значимый аспект дарообмена с опорой на один или несколько ключевых текстов. Далее мы показываем, что в обсуждаемых работах говорится о природе сообщества и о возможностях его организации. Наконец, в конце каждого раздела мы применяем полученные результаты к конкретной проблеме организации общин и, в особенности, к роли православного священника. Таким образом, мы намерены сделать некоторые выводы относительно того, какими ресурсами обладает православный священник в деле построения и укрепления общины, какие действия он может предпринять и на что может

⁷ Помимо ключевых работ Мосса и Малиновского, на русский язык переведены в основном франкоязычные работы: Батай Ж. Понятие траты // Ж. Батай. Проклятая доля. М.: Логос, 2003; Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000; Годелье М. Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007. Практически вся многолетняя англоязычная дискуссия по теории дара остаётся за пределами внимания русскоязычного читателя; недавно переведённая книга Д. Грэбера составляет исключение (Грэбер Д. Долг: Первые 5000 лет истории. М.: Ad Marginem, 2015). Некоторые существующие переводы откровенно некачественны.

⁸ См., напр., известную статью с критикой распространённой в англоязычной антропологии интерпретацией Мосса: Parry J. The Gift, the Indian Gift and the 'Indian Gift' // *Man, New Series*, Vol. 21, No. 3. 1986. P. 453–473.

положиться. Разумеется, наши соображения о роли священника ограничены перспективой выбранного нами подхода и не претендуют на полноту. Нашей целью не может быть определение пастырских добродетелей, скорее мы полагаем, что знание о принципах формирования сообществ может помочь священнику.

Последовательность разделов текста повторяет структуру цикла семинаров «Теория дарообмена». Мы начнём с обсуждения общей логики дарообмена и отдельно остановимся на формировании сообществ. Затем мы перейдём к тому, как дар определяет социальную структуру и определяется ею – это позволит нам указать на особенности роли священника. Далее мы перейдём к соотношению между даром и капитализмом, к возможности развития дарообмена в условиях капиталистической экономики. Отдельное внимание будет уделено темпоральному аспекту дарообмена – тому, как дар структурирует переживание времени. Наконец, специальный раздел посвящён специфике даров божествам – тому, как такие дары отличаются от даров между людьми и какую роль они могут играть в организации последних. Краткие итоги и перспективы дальнейшей работы будут зафиксированы в заключении.

Логика дара

Теория дарообмена даёт ключ к пониманию человеческой социальности, механизмов формирования социальной сплоченности и внутреннего устройства общности, зиждущейся на единении людей. Классические антропологические работы Бронислава Малиновского и Марселя Мосса раскрывают специфику и принципы дарообмена, устройство изучаемых ими сообществ, в основе которых лежат дарообменные отношения; показывают, в каких отношениях находятся дарообмен и утилитарный обмен, а также предлагают свой взгляд на природу человека и особенности его мотивации к хозяйственной деятельности.

«Аргонавты западной части Тихого океана» Малиновского и «Очерк о даре» Мосса – труды, написанные учёными под впечатлениями ужасающей картины взаимоистребления людей в период Первой мировой войны. Так, Бронислав Малиновский ставит перед собой цивилизационную задачу — найти основания мирного существования человечества⁹. Он считает, что для решения этой задачи нужно обратиться к истокам человеческой жизни, чтобы понять, что общего между людьми, в чём заключается человеческая природа, и пролить свет на механизмы, лежащие в основе человеческих взаимодействий. Необходимо также найти устойчивые основания, которые могли бы служить в качестве достаточного условия мирного взаимодействия людей. За ответами на данные вопросы антрополог прибегает к исследованию примитивных сообществ, где можно проследить простейшие взаимодействия, путём «погружения» в культуру народов Тробрианских островов.

Хозяйственная жизнь аборигенов Меланезии строится на принципах дарообмена и утилитарного обмена. Малиновский вслед за жителями изучаемых сообществ проводит чёткое разделение между принципами обмена и использует данный дуализм для описания хозяйственных взаимодействий аборигенов. Дарообмен осуществляется в рамках сообществ *кула*, представленных на разных уровнях: межплеменном, межостровном и уровне, представляющем единое кольцо *кула*. Существует ряд правил, по которым аборигены выстраивают дарообменные отношения¹⁰. Круг обмениваемых предметов в *кула* ограничен, ядро составляют ожерелья и браслеты, обмен которыми происходит в строго заданном направлении на Тробрианских островах. Дар должен быть адекватным, но не эквивалентным в противовес утилитарному обмену, предполагающему эквивалентность обмениваемых благ. Между даром и встречным даром существует временной интервал, обладающий символическим значением, он не может быть

⁹ Малиновский Б. Аргонавты Западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2001. С. 512.

¹⁰ Малиновский Б. Указ. соч. С. 107–114.

форсирован или разрушен, иначе обернётся тем, что будет подорвана природа дарообмена. Другими словами, нельзя мгновенно отвечать на дар ответным даром, для того чтобы такое действие не воспринималось как оплата и не сводилось к утилитарному обмену. Любое взаимодействие в рамках *кула* сопряжено с ощущением чувства долга. Таким образом, Малиновский указывает на моральный характер хозяйственных взаимодействий в ходе дарообмена: дар является источником обязательств, которые накладываются на того, кто этот дар принимает.

С дарообменом соседствует утилитарный обмен, или *гимвали*, который также является механизмом организации отношений между людьми. Он вторичен по отношению к *кула*, всю основную силу и энергию жители Меланезии затрачивают на действия, сопровождающие церемонии *кула*¹¹. *Гимвали* – это обмен полезными для человека благами; в дарообменных процессах *кула*, напротив, участвуют предметы, обладающие наименьшей практической полезностью, но имеющие символическую значимость. Базовое моральное правило аборигенов – разделять два механизма организации хозяйственной жизни так, чтобы принципы утилитарного обмена не привносились в дарообмен: правило туземцев гласит, что нельзя вести *кула* сообразно *гимвали*¹². В противоположность утилитарному обмену, который работает, размывая сообщества, или же способствует выстраиванию вражеских отношений между людьми, дарообмен «сшивает» сообщество, поскольку обладает солидаризирующей силой. «Большое межплеменное отношение, связывающее определёнными социальными узами территорию и большое число людей, объединяющее их определёнными связями взаимных обязанностей, вынуждающее их следовать подробным обычаям и правилам – *кула* является социальным механизмом, поражающим своими размерами и сложностью»¹³.

Марсель Мосс также отмечает, что дарообмен активизирует солидарность между людьми, ведь дар подразумевает признание взаимных обязательств. Однако в своём подходе к анализу хозяйственной жизни туземцев Мосс отличается от Малиновского тем, что смотрит на хозяйство монистически: он критикует дуализм Малиновского. По мнению Мосса, слишком жёсткое разделение дарообмена и утилитарного обмена искажает представление о племенах, живущих на Тробрианских островах¹⁴. Мосс не

¹¹ Малиновский Б. Аргонавты Западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2001. С. 115. См. развитие этого аргумента: Gregory C. A. Gifts and commodities; London: Academic Press, 1982.

¹² Малиновский Б. Указ. соч. С. 111.

¹³ Малиновский Б. Указ. соч. С. 506.

¹⁴ Мосс М. Очерк о даре // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература»; РАН, 2001. С. 211.

разграничивает типы обмена так, как это делал Малиновский, а напротив, объявляет дарообмен «тотальным социальным фактом»¹⁵.

Опираясь на вторичные данные антропологических наблюдений, Мосс изучает природу и механизмы функционирования *потлача*, «тотальной поставки агонистического типа». *Потлач* понимается как тотальный институт, поскольку он представлен во всей целостности различных аспектов жизни аборигенов – социального, юридического, религиозного или морфологического¹⁶. Человек, участвующий в церемониальном обмене дарами, полностью отдаёт себя. Агонистический характер *потлача* означает, что дарообмен сопровождается конкурентной борьбой, и человек в этой конкуренции и в сближении готов отдать себя полностью, вплоть до жертвы собственной жизнью ради того, чтобы не проиграть соревнование (что, в свою очередь, указывает на бессмысленность утилитаристского представления о наличии у человека только эгоистической мотивации). *Потлач* – это дарообмен, обеспечивающий мирное сосуществование людей, его отсутствие ведёт к состоянию войны¹⁷. Сходные с *потлачом* институты наблюдаются во всех изучаемых Моссом сообществах, но существуют некоторые расхождения в его проявлении: например, не везде ведётся конкурентная борьба за благородство, или не всегда требуется вернуть ответный дар с излишком. Несмотря на вариативность форм *потлача*, можно выделить его общие обязательные правила, которые Мосс возводит в ранг конститутивных принципов дарообмена:

- обязанность дарить,
- обязанность принимать дар,
- обязанность возмещать дар¹⁸.

Закономерным образом у Мосса возникает вопрос: что представляет собой сила, которая принуждает к этим трём обязательствам? Что заставляет работать трёхчастную модель дарообмена? Мосс находит ответ в нарративе маори – сила, связывающая три ключевых элемента дарообмена, возникает из веры в то, что в любой вещи, в том числе и в человеке, содержится дух *хау*. *Хау* не может быть собственностью человека, которому изначально не принадлежала заключающая в себе дух *хау* вещь, поэтому *хау* заставляет каждый раз возвращать дар. Если этого не происходит, наступает разрушение сакральной связи с вещью, что, согласно верованиям аборигенов, является недопустимым. Поскольку

¹⁵ Мосс М. Очерк о даре // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература»; РАН, 2001. С. 85.

¹⁶ Мосс М. Указ. соч. С. 90.

¹⁷ Sahlins M. Stone age economy; Chicago-Nueva York: Aldine-Atherton. 1972. P.174.

¹⁸ Мосс М. Указ. соч. С. 100.

дар обладает тотальным характером, то в процессе обмена дарами мы научаемся обязательствам¹⁹.

В представленных Малиновским и Моссом сообществах участие в процессах дарообмена сопряжено с вовлечением в гонку за престиж, за статусное положение, что достигается за счёт демонстрации своей щедрости. В положении подчинения оказывается тот, кто принимает дар, ведь это ведёт к возникновению обязательств перед дарителем, и статусная диспропорция компенсируется только обратным дарением. Таким образом, каждый раз происходит самоутверждение одного человека перед другим: чем щедрее дар, тем выше получаемый статус. Щедрость и престиж как награда за него выступают движущим мотивом хозяйственной деятельности аборигенов. Поэтому система сообществ иерархична. На примере института *мока* можно увидеть, что только бигмен или вождь обладает полномочиями внутри племени организовывать выход на дарообмен с другим племенем²⁰. Количество партнёров по сделке определяется статусным положением туземца. Через конкурентную борьбу обеспечивается выход на большее количество партнёров. Есть и такие социальные лифты в сообществах дарообмена, как институты выпрашиваемого дара или предварительного дара, обеспечивающие доступ к другим партнёрам и служащие повышению статуса. Малиновский отмечает, что туземцы максимизируют своё статусное положение. Многие критики Малиновского находили в этом подобие утилитарного обмена²¹. Однако Малиновский указывал, что существует строгое разделение аборигенами принципов обмена – утилитарного принципа ведения *гимвали* и принципа дарообмена в кругу *кула*. Кроме того, в *потлаче* туземцы готовы идти на самоистощение, жертвуя всем, что имеют, чтобы добиться признания – максимизация страдания обесмысливает утилитаристский аргумент²².

Формирование сообщества дарообмена

Теория дарообмена позволяет выявить механизмы функционирования сообщества, так как способна описать причины формирования общины как наиндивидуального единства, формы отношений между её составляющими, а также принципы её развития. Она демонстрирует, как устроена человеческая социальность на элементарном уровне, тем самым приводя к пониманию механизма формирования социальной сплочённости.

¹⁹ См. классическую критику этого объяснения К. Леви-Строссом: Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // М. Мосс. Социальные функции священного. СПб.: Евразия. 2000. С. 404-434.

²⁰ Strathern A. The Rope of Moka: Big-men and Ceremonial Exchange in Mount Hagen, New Guinea. London; New York: Cambridge University Press, 1971.

²¹ Weiner A. Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While Giving. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1992.

²² Это возражение утилитаристам радикализирует Ж. Батай (см. далее).

Сообщество дарообмена является системой, которая объединяет людей в единую сеть отношений, где взаимные обязательства друг перед другом выступают инструментом, «склеивающим» коллективную жизнь. Описываемые Малиновским и Моссом сообщества дарообмена в основе своей организации имеют статусную иерархию. Положение человека в обществе зависит от его щедрости и, следовательно, от количества накопленных обязательств по отношению к нему со стороны других. Вовлечение в систему дарообмена мотивировано возможностью повысить социальное положение или ранг, престиж выступает движущим мотивом к хозяйственной деятельности. Через участие в дарообмене происходит упорядочивание социальной жизни туземцев, другими словами, система дарообмена создаёт социальный порядок и законы, по которым разворачивается хозяйственная жизнь аборигенов. Выживание и приумножение благосостояния не являются основной целью для таких сообществ; для них важнее не допустить возникновения войны. Неприятие дара расценивается туземцами как знак объявления войны, в то время как вопрос выживания вторичен: когда мирное существование обеспечено, то и гарантировано и биологическое выживание.

Малиновский функционально описывает институт *кула* и его правила. Как только туземец рождается, он уже занимает определённую позицию в сообществе, к нему предъявляются конкретные требования, и по отношению к нему существуют конкретные ожидания. Если же в меланезийское сообщество пытается включиться чужак, то его появление либо «игнорируется», то есть его присутствие не оказывает влияния на организацию социальной жизни, либо оно требует создания новых институтов, обеспечивающих включение чужака в систему. По мнению Малиновского, абориген не появляется на свет без истории, он всегда включён в сообщество *кула*, поэтому так сложно сказать, как и когда «запускается» механизм кула или дарообмена.

Изучаемые антропологами сообщества дарообмена, тотальные по своей природе, охватывают все сферы жизни туземцев и насквозь магичны. Ритуалы, сопровождающие обмен дарами, указывают на сакральную ценность практик дарения. Это означает, что дарообмен – коллективное действие, в котором каждый из участников разделяет переживание совместного опыта; оно выполняет интегративную функцию, важную для формирования сообщества. Стоит ещё раз обратить внимание на тот факт, что отказ от принятия подарка порождает негативную реакцию сообщества на этот поступок и разжигает вражду между туземцами. Интерпретируя в духе Эмиля Дюркгейма, можно

сказать, что это свидетельствует о наличии механической солидарности, сплачивающей аборигенов в единое целое²³.

Система дарообмена запускается, когда работает московская триада: дарить, принимать дар и отдаривать. Сегодняшняя ситуация характеризуется тем, что капитализм наносит удар по второму звену – люди отказываются принимать дары²⁴. Мосс рисует картину взаимозависимости, постоянных и естественных обязательств, и противопоставляет её современному капитализму, который «забывает» о том, что обязательства держат людей вместе. «При встрече две группы людей могут только либо разойтись, а если они выражают друг другу недоверие или бросают друг другу вызов, то драться, — либо договориться»²⁵. Капитализм описывается как система, позволяющая вырваться человеку из моральных обязательств за счёт внешних ресурсов; в нём царит свобода от личных отношений и индивидуализм, а дарообмен вытесняется (например, моральный долг замещается денежным кредитом)²⁶. Капиталистическая система возводит моральный барьер, который, пользуясь языком православной этики, можно обозначить как «гордыню». Если человек нуждается в каком-то благе, ему придётся сделать над собой усилие, чтобы принять его в дар. Вместо этого он заполучает желаемое благо на рынке, что не требует смирения.

Итак, для того, чтобы запустить процесс образования сообщества дарообмена, необходимо деблокировать второй шаг московской трёхчастной модели дарообмена. Продолжая использовать категориальный аппарат этики православия, соответствующее требование можно назвать требованием смирения²⁷. Смирение попадает в нишу второго шага триады Мосса и научает принимать дары или просить их: такие действия в логике смирения представляются легитимными и оправданными²⁸. Кроме того, смирение поддаётся усвоению – в принципе, можно инициировать обучающий процесс, направленный на освоение актов по принятию даров и их прошению. Система дарообмена

²³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

²⁴ Юдин Г. Моральная природа долга и формирование ответственного заемщика // Вопросы экономики. № 3. 2015. С. 28–45.

²⁵ Мосс М. Очерк о даре // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература»; РАН, 2001. С. 221.

²⁶ Simmel G. The Philosophy of money. Ed. D. Frisby. N. Y.: Rutledge, 1990.

²⁷ Zabaev I., Zueva A., Koloshenko Yu. Humility and The Gift: The Elective Affinity of Institutions and Ethics in Orthodox Parishes // Economic Sociology. Vol. 16, No. 5. 2015. P. 118–139.

²⁸ Используемые здесь для иллюстрации эмпирические данные были собраны в рамках исследования «Жинзь в долг», проведенного Лабораторией «Социология религии» в августе—сентябре 2014 г., — серии из 106 глубинных интервью на тему кредитных и долговых отношений с жителями четырех российских городов (Архангельск, Рязань, Касимов, Каргополь). Из интервью со старостой храма: «Попросить. Не все могут, все не хотят. Не хотят. <...> Я хожу, хожу, не боюсь я. Знаете, мне, я уже старый человек, мне уже не стыдно». «У богатых этих, как их, тогда, в советское время, не было богатых, тогда директор завода, какой-то, вот там просила, получалось. Вот так. Просила, в крови, наверное, есть это. Сделать надо. Но не для себя, а вот для храма сделаю. Для себя у меня не получится, вот только Александра Ивановича я одного, а так я нет, я не могу».

не будет работать тогда, когда не возникает смирения. Она также начинает разрушаться тогда, когда кто-то испытывает недоверие – начинает угадывать или предписывать другому человеку корыстные мотивы. Иными словами, дарообмен возможен в случае, когда у обеих сторон создаётся впечатление, что дар не спровоцирован меркантильными намерениями дарителя.

Структура сообществ дарообмена, позиция священника

Работы американского антрополога Маршала Салинза «Экономика каменного века» и «Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia» вносят в клад в дискуссию об организации хозяйственной жизни людей и о вопросе экономического роста. Его позиция заключается в том, что анализ экономики должен производиться вне отрыва от социальной структуры. Его анализ устройства сообществ дарообмена позволяет понять позицию священника в организации церковной общины и указывает на особенность священника в создании дарообменных отношений²⁹.

«Примитивные» общества охотников и собирателей характеризуются недопроизводящей экономикой, рынка как такового не существует, а выживанию туземцев, по мнению Салинза, способствует политическая организация общества. Коротко говоря, бигмены за счёт жертвенности обеспечивают себе престиж и власть, а людям, которым что-то передаривают, средства для проживания и выживания. Салинз предлагает свою интерпретацию духа *хау*, который обеспечивал ответный обмен в теории Мосса. С точки зрения Салинза, *хау* способствует производительности, прибыли и приросту, благодаря чему становится возможным поддержание жизни людей. Важное различие, предложенное Салинзом, заключается в разведении двух систем обменных отношений – светского обмена (рис. 1) и церемониального обмена (рис. 2).

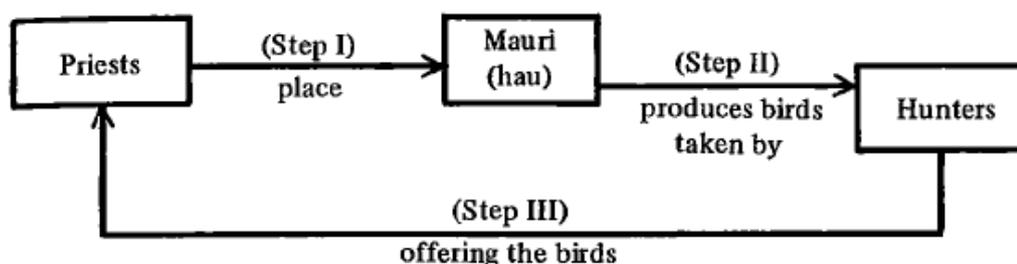

Рис. 1. Светский обмен³⁰

Структура светского обмена представлена двумя позициями вступающих в обмен сторон. В этом случае нет никакой принуждающей силы, которая бы ограничивала

²⁹ Sahlins M. Stone age economy. Chicago-Nueva York: Aldine-Atherton, 1972; Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History. Vol. 5, No. 3. 1963. P. 285–303.

³⁰ Sahlins M., op. cit. P. 159.

использование обмениваемых вещей. *Хау* вещи здесь понимается в светском смысле как обязанность ответить взаимностью. В ситуации, представленной на втором рисунке, *хау* несёт в себе запрет на использование дара в качестве капитала тем человеком, который явился получателем дара, т. е. «прирост *хау*» не должен составлять выгоду не-дарителя. По этой причине требуется третья сторона, которая взяла бы под контроль судьбу «прироста *хау*».

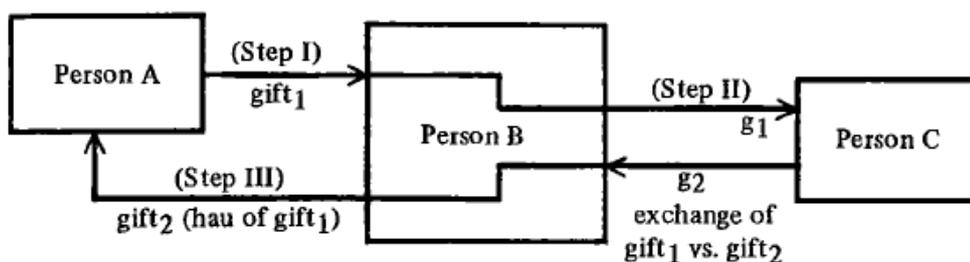

Рис. 2. Церемониальный обмен³¹

Третья позиция в структуре дарообмена несёт функцию обслуживания дара, а не только установления социального порядка. Бигмены (person B) выступают координаторами дарооборота и его создателями благодаря накоплению цепочек связей взаимнообязанных людей³². В свою очередь, жрецы выступают гарантом *хау*, что и позволяет обеспечить выживание людям в недопроизводящей экономике в отсутствие рынка. Бигмен – не закреплённый статус; теоретически бигменом может стать каждый, кто включится в гонку за престиж. Жрец – это позиция, которая заставляет поверить в существование и сакральность духа *хау*. В самом деле, если убрать из схемы жреца, то бигмен становится обычным капиталистом.

Итак, Салинз показывает, что в сообществе дарообмена важно наличие третьей стороны. Как это требование может работать в жизни православных приходов? Рассмотрим пример. В приходе N-ского храма, находящегося в г. Рязани, прихожане просят друг у друга в основном по мелочам, а по «глобальным», «нравственным» делам обращаются к священнику за помощью или советом³³. Здесь священник выступает

³¹ Sahlin M. Stone age economy. Chicago-Nueva York: Aldine-Atherton, 1972. P. 159.

³² Из интервью со священником: «Ну, собираемся, вот, мы, приходские собрания, как обычно, вот, обсуждаем вопросы текущие храма, что нужно сделать, что сделано, как вообще движется жизнь прихода. То есть, вот, собираемся на какие-то чаепития, мероприятия, например, день ангела у прихожанина, который постоянно ходит в храм. Тоже вот как-то отмечаем, поздравляем человека, дарим какую-то книжечку духовную, чтоб вот поддержать, объяснить, поздравить и, ну, как бы, дать человеку понять то, что о нём помнят, что о нём не забыли и всегда рады ему чем-либо помочь и, собственно говоря, ждём от него какой-то взаимной помощи».

³³ Из интервью с прихожанкой: «С одной стороны, мы можем это сделать сами, но, с другой стороны, без благословения что-то делать боком выйдет. Это уже все усвоили в храме хорошо. Любое благое дело... Нет, что-то, решать какие-то свои вопросы, да, там вот, мы уже там и друг к другу в гости можем пойти, и что-то там решить, это всё, но какие-то глобальные вещи, которые, всё-таки, затрагивают середину, да, это как паутина, в которой много частей, но сосредоточение это храм, это середина. Решать все вопросы

связующим звеном между прихожанами. Поскольку он знаком со своей паствой и постоянно общается с ней, то у него есть представление о каждом прихожанине, он знает его способности и видит его потенциал. Священник даёт возможность совершать добрые и полезные дела прихожанам и как бы распределяет эти дела между ними в зависимости от их возможностей и потребностей. К священнику не стыдно обращаться за помощью, потому что гордыня проявляется лишь тогда, когда человек просит у равных себе; во взаимодействии со священником просящий способен проявить смирение. В то же время, когда священник к кому-то обращается за помощью, то он просит не для себя, а для других. Результатом становится высокая степень интеграции общины: члены общины вместе со священником N-ского храма объединены совместной деятельностью – например, они организуют походы на природу, играют в сквош, участвуют в работе воскресной школы.

Иными словами, церковный священник одновременно выполняет функции жреца и бигмена в схеме Салинза. Своим примером он показывает, что дарообмен может осуществляться не только между двумя людьми. Он убеждает людей в существовании трансцендентного элемента, духа *хау*, снимая излишнюю подозрительность, и тем самым способствует удержанию социальной ткани общины. Появление священника позволяет сменить мотивацию человека к хозяйственной деятельности и осуществить переход от дарообмену.

Дарообмен и капитализм

Вероятно, наиболее последовательный ответ на вопрос соотношения дарообмена и капиталистической системы предложил Жорж Батай. Развивая теорию Мосса, он формирует новый взгляд на человеческую природу. Его критика капитализма полезна в качестве анализа той среды, в которой происходит производство сообщества. Батай ставит своей целью донесение сути «энергетической» ситуации в современном мире и указание на возможные контролируемые способы того, как можно растрчивать энергию³⁴.

Для преодоления утилитаризма Батай предлагает изменить взгляд на экономику. Он представляет экономику не как сумму частных взглядов и действий, а смотрит на нее «с высоты». Это позволяет Батаю увидеть, что главным механизмом, стоящим за всей жизнью на земле, является наличие избытка, неизменно возникающего в процессе дарообмена. Этот избыток представляет собой энергию, которая требует траты. На уровне всей системы всегда существует излишек энергии, хотя на уровне индивида это может не

через храм глупо, когда можно по периферии это решить, да, но когда какие-то глобальные вопросы или связанные всё-таки, даже не знаю, с чем... С какими-то такими нравственными вопросами, да, вот это всё-таки через храм».

³⁴ Батай Ж. Понятие траты // Ж. Батай. Проклятая доля. М.: Логос, 2003.

ощущаться. Энергия, существующая в мире, используется для роста или накопления; в то же время, её рост не может происходить бесконечно. В тот момент, когда останавливается рост и формируется энергетический излишек, энергия должна быть потрачена. Неспособность произвести растрату вовремя приводит к трагическим последствиям – к вспышкам продолжительного насилия. Если энергию намеренно не «сжигать», то её растрата произойдет в любом случае, но только в катастрофической форме.

В природном мире формами растраты энергетического излишка являются смерть, поедание (взаимное поедание всех) и сексуальные практики. Такие естественные процессы выступают примером того, как в природе происходит пустая трата энергии. По мнению Батая, лучший способ траты тот, который находится под контролем. В человеческом обществе он выделяет такие формы траты энергии, как жертвоприношение, *потлач*, игры и войны³⁵.

Особенность капитализма состоит в том, что он обеспечивает наложение запрета на пустые траты. Капиталистическая этика требует, чтобы ресурсы были израсходованы с пользой, чтобы они были направлены на рост и развитие (например, излишки могут расходоваться на улучшение жизни, комфортных условий существования и др.). Согласно Батаю, такое поведение, во-первых, создаёт риск «аварийного» взрыва, во-вторых, человек лишается возможности самореализации и достижения суверенности, которой он мог бы достичь в процессе траты.

Двойственность и парадоксальность, связанная с приобретением статуса в результате дарения, разрешается Батаем следующим образом. Считается, что когда человек отдаёт свои ресурсы, он при этом приобретает что-то ещё – поднимается рангом выше или получает престиж. То есть он демонстративно отказывается от имеющихся у него материальных благ, стремясь в это же время к приобретению другого блага. Батай показывает, что в этой ситуации скрывается онтологический обман, который можно разрешить путём безвозмездной растраты излишка, без ожидания чего-либо взамен³⁶.

В идеализированном мире, который рисует Батай в «Проклятой доле», царит суверенность и свобода духа, а в мире производства или капитализма – ограниченность и страх. Такой мир описывается как «сонное» состояние. Оставляя на месте словарь экономиста и не устранив такие категории, как «полезность» и «интерес», Батай создаёт новую экономическую теорию и предпринимает попытку критики утилитаризма изнутри. Трата не противопоставляется полезности и интересу, она исполняет их. Помимо социальной функции, т.е. во благо общества и отсутствия катастрофы, у траты есть и

³⁵ Батай Ж. Понятие траты // Ж. Батай. Проклятая доля. М.: Логос, 2003. С. 193.

³⁶ Батай Ж. Указ. соч. С. 204–205.

онтологическая функция – продвижение человека к самосознанию и пониманию, что забота о себе выражается не только через потребление, но и через трату. В буржуазном мире высшей формой самосознания является калькуляция, способность просчитывать всё с точки зрения собственной выгоды. Для Батая высшая форма самосознания, как сказано выше – трата, посредством которой достигается суверенность³⁷.

По мнению Батая, в человеке первоначально заложена мотивация уничтожения собственной энергии³⁸, однако она впоследствии подавляется капиталистическим обществом. Попадание в ловушку капитализма обеспечивает неправильную интерпретацию экономических актов и желаний: капитализм создаёт аппарат, позволяющий рационализировать желание самоистребления. Человек, несомненно, обладает склонностью совершать не эгоистические поступки, поступки «для других» – однако следует иметь в виду, что эта способность проистекает из энергетического избытка. Устройство современного капитализма предотвращает возможность даже подумать об этом.

Дар и время. Структурирование времени в дарообмене и за его пределами

Пьер Бурдьё, одновременно развивая структуралистские идеи Клода Леви-Стросса и критикуя их, обращает внимание на «фактор времени», заполняющий в структуралистской модели дарообмена пустоту между актами дара и ответного дара. Как люди проживают дарообмен. Однако прежде чем мы перейдём к мыслям Бурдьё, изложим коротко некоторые положения теории дарообмена Леви-Стросса.

Отмечая значимость открытия Моссом тотального социального факта, Леви-Стросс также критикует использование им категории *хау*. Во-первых, Мосс позволяет туземному представлению о вещах и мире войти в его теорию социального: тем самым он выдаёт объяснения информанта за собственное обоснование или некритически соглашается с ним³⁹. Во-вторых, Мосс решает вымышленную проблему: не нужно искать ответ на вопрос о том, что «склеивает» три императива – дарить, принимать, отдаривать. Такая

³⁷ Батай Ж. Понятие траты // Ж. Батай. Проклятая доля. М.: Логос, 2003. С. 195.

³⁸ Из интервью с прихожанкой: «Вот, то, что он с нами возится, это очень хорошо, потому что, на мой взгляд, потребность в совершении добрых дел есть у всех, кто в храм ходит, и даже у тех, кто в храм не ходит, кто считает себя не верующим человеком. Единственное, что людям нужно предложить – как можно больше возможностей это доброе дело совершить. Собрать свои вещи, которые тебе малы, но ещё пригодны для носки, или там велики, или ты купил, но не будешь носить, и привезти их в храм. Ладно, можно привезти ко мне домой, так уж и быть, для избранных. Вот, кому уж совсем тяжело, да, но хочется совершить доброе дело. Пожалуйста, это может любой. <...> Попросить регента хора и по заявкам слушателей создать хор народный, как его называют, народный хор, который сейчас уже поёт на молебнах, хотя бы не на службах, но на молебнах они уже поют, им не нужно платить денег, им не нужно, там, я не знаю, каких-то чего-то там, им нужно дать возможность петь. И, на мой взгляд, вот, не надо сильно возиться с прихожанами, надо любить свой приход и дать людям возможность сделать доброе дело».

³⁹ Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // М. Мосс. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. С. 418–429.

ошибка возникает из-за того, что Мосс недооценивает ценность собственного открытия – открытия «тотального факта» и структурированности социального мира. Именно поэтому Мосс вынужден обращаться к категории духа *хау* для описания системы дарообмена. По мнению Леви-Стросса, сам дарообмен выступает окончательным ответом на вопрос о том, что позволяет работать трём императивам сразу. Таким образом, трёхчастная схема, предложенная Моссом, – это закон элементарного обмена, в нём заведомо скрыта сущность социального, и он не требует дальнейшего объяснения. Дарообмен выступает структурным законом социальной жизни, и вся она может быть разложена с помощью принципа дарообмена.

Леви-Стросс через объективистскую оптику предлагает «расколдовывать» структуру социальной жизни, которая разворачивается здесь и сейчас. Бурдьё выступает с критикой данного тезиса: если смотреть на социальную жизнь объективистским взглядом, то нельзя понять тот факт, что структуры, представляющиеся нам объективными, на деле являются рукотворными, хрупкими и контингентными, что они всегда могли бы быть иными. Структуры постоянно находятся в стадии формирования, и нельзя быть до конца уверенным, что всё будет разворачиваться по предписанным законам. Иными словами, существует множество структурных законов, которым индивид может подчиняться, и выбирая, каким законам подчиняться, индивид получает возможности для манипуляции. В отличие от агента теории рационального выбора агент Бурдьё действует бессознательно через активацию практической логики. Агент идет к цели, не подозревая о своих интересах⁴⁰.

Фактор времени существует в системе дарообмена, поскольку между исходным и ответным даром всегда есть временной промежуток, который создаёт возможность для такого бессознательного стратегического поведения. В ситуации дарообмена индивиды находятся в положении, когда они «ещё не квиты»: временной промежуток отличается задолженностью одного индивида перед другим. Социальность возможна благодаря тому, что есть это «отсроченное» состояние, ведь в мире, где «никто никому ничего не должен» социальные отношения попросту исчезли бы. За счёт фактора времени возникает неопределенность. В зависимости от того, в каком виде будет произведён дар, от того, случится ли дар в принципе, зависит исход стратегической игры. Внутри временного промежутка между ходами людей, участвующих в дарообменных отношениях, как бы ведутся «переговоры» по поводу того, что здесь и сейчас происходит. Возможно, ответный дар не потребует ввиду дисбаланса статусных позиций, дисбаланса чести. Или же обязанность одного человека перед другим настолько высока, что обязательства со

⁴⁰ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

стороны второго «покрывают» обязательства первого, или, наоборот, не могут быть «покрыты», и поэтому дар не случится.

Жак Деррида идет дальше, говоря не только о невозможности описания дара в терминах экономики, но и о невозможности распознавания дара как такового. Экономика – это закон (*nomos*) хозяйства, круг обмена, подчинённый номосу; как только мы имеем дело с упорядочиванием – а номос упорядочивает, распределяет, делит, классифицирует, – то это включает в себя экономику или законы распределения. А дар является тем, что размыкает этот круг, что идёт против номоса: он аномален, потому что действует против закона. Дар можно мыслить как то, что не может и не должно быть возвращено. Если же считается, что дар должен быть возвращён, то непонятно, почему такое явление именуется даром. Дар невозможен уже постольку, поскольку сопровождается ответным даром, он осуществляется в экономике, т. е. там, где царствует номос – именно поэтому он невозможен. Кроме того, дар не должен быть опознан как дар, в противном случае он подразумевает возвращение или возмещение. Как только мы определяем дар как дар, то это его девальвирует, и нам кажется, что в этом акте дарения появляется утилитаристский мотив. Итак, идея Деррида заключается в том, что любая фактичность дара его же и убивает. Как только одной из сторон распознаётся и фиксируется дар, то он перестаёт быть таковым. Дар не только невозможен, он и есть сама невозможность, в том смысле, он невозможен внутри закона⁴¹.

Следует отметить неоднозначную моральную природу дара: с одной стороны, дар – положительное явление, основа морали и благо. С другой стороны, дар – зло, поскольку помещает человека в отношения обязательства и, в пределе, рабства перед другими людьми. То, что дар – насильственное действие, было очевидно уже Батаю: дар опасен, потому что порождает обязательства, но при этом позволяет обрести человеку суверенность.

Деррида полагает, что дар требует немедленного радикального забвения, а следовательно, субъект никогда не может давать и получать дар. Субъект, возникающий и действующий в условиях калькуляции и обмена, не способен ни на какой дар. Как только человек определяет себя как дарующего субъекта, то он немедленно отрицает бескорыстность дара и теряет удовольствие от дарения. Появление субъекта подрывает дар, поэтому источником дара может быть только то, что не распознаётся как субъект, или же то, что досубъектно. По мнению Деррида, вещь дарует сама себя. В ней есть дарующая сила, но, тем не менее, должно быть нечто (*es gibt*⁴²) за субъект-объектными

⁴¹ Derrida J. *Given time: I. Counterfeit money*; University of Chicago Press, 1992.

⁴² *Es gibt* (нем.) – существует нечто, в буквальном переводе – оно даёт, оно дарует.

отношениями, что способно даровать. Можно сказать, что атака Деррида направлена против субъектности дара, против схемы, в соответствии с которой субъект что-то дарует. Субъект и объект – это мгновенные эффекты дара, которые возникают после его разрушения. Таким образом, чтобы помыслить дар, нужно выйти за схему субъект-объектных отношений, что возможно благодаря описанию дара в темпоральных категориях. Времени, как и дара, не существует, оно не может быть дано, и в этом смысле дар выступает аналогом дарованного времени. Время появляется внутри дара, но время, задаваемое даром – время ритмическое, «умирающее», оставшееся, оно может быть «отсчитано».

Концепция дарообмена Деррида позволяет добавить кое-что к пониманию особенностей роли священника. Если непременным условием дара является бессубъектность, *es*, то в некотором отношении можно сказать, что благодаря претензиям Церкви на связь с трансцендентным священники обретают легитимное право репрезентировать *es*. Благодаря преклонению перед Божьей волей и смирению гордыни священник способен принять дар, идущий непосредственно от божества, он коммуницирует с первоначалом и способен выступать не от своего лица. Кроме того, священник снимает проблему получения дара: дар от священника не предоставляется опасным, так как по отношению к священнику у людей не возникает обязательств, ведь дарует не он сам – скорее, через священника дарует бессубъектное первоначало⁴³.

⁴³ Приведём в качестве иллюстрации цитату из проповеди священника в N-ском храме, записанной в ходе одного из полевых исследований Лаборатории «Социология религии»: «Нет в этом мире ни одного человека, в жизни которого не происходили бы чудеса. Что такое чудо? Чудо – это такое явление, которое происходит вопреки законам и ожиданиям. Но, опять же, чудо – это реакция на просьбу человека. Не может чудо произойти само по себе. Любое чудо, связанное с исцелением – это всегда изначально посыл от человека. Человек просил, и Господь явил. <...> Чудо – это появление Бога в этом мире. Даже то, что мы сейчас здесь находимся – это тоже чудо. Но, опять же, отчего же оно произошло? 15 человек, которые смогли оторвать время от своей семьи и служить здесь Литургию. Но опять же- это само по себе или кто-то об этом просил? Кто-то же об этом просил? Кто-то же об этом молился? Кто-то старался сделать так, чтобы было по-другому? Кто-то же скорбел, что на этой земле не совершается Литургия? <...> Вот вы попробуйте сейчас пойти по деревне и найдите себе 15 человек, кто бы с вами пошел в лес рубить дрова. Просто рубить дрова. Вы не найдете 15 единомышленников. А здесь Господь взял и собрал их. Причем собрал знаете как? Одного с Москвы прислал, другого с Москвы прислал, третьего с Читы прислал, пятого еще... Посмотрите, сколько Господь потрудился для того, чтобы совершить здесь божественную Литургию».

Дары людям, дары Богу

На различие между дарами богам и дарами людям обращал внимание уже Мосс⁴⁴. Это различие позволяет осмыслить специфику дарообмена в церковном или религиозном контексте, и в то же время также проследить взаимосвязи дарообмена с капитализмом и экономическим ростом в секуляризованном мире. Противопоставление даров богу и даров людям развивает Крис Грегори, один из наиболее авторитетных теоретиков дарообмена⁴⁵.

Основной интерес для Грегори представляет проблема экономического развития, а именно – как традиционные, архаические общества приходят к хозяйственному процветанию, и как на это влияют меры, проводимые колониальными властями. Грегори пытается обстоятельно разобраться в этом сквозь призму теории дарообмена, проводя различия между дарами человеку и дарами Богу. За отправную точку своих размышлений он берёт позиции Франца Боаса и Марселя Мосса, которые так или иначе считали, что любая система дарообмена обладает ресурсами для накопления капитала. С точки зрения Боаса, в *потлач* уже включён процент, в нём уже содержится накопление капитала. Иными словами, систему дарообмена можно превратить в капиталистическую экономику путём её «ремонта», её развития до превращения в капиталистический обмен⁴⁶. В теории Мосса современная кредитная система также вырастает из дарообмена: с точки зрения Мосса, дарообмен – простейшее процентное отношение, из которого впоследствии, в результате его рационализации, вырастает система процентных ссуд. Из этого можно заключить, что дарообмен не препятствует накоплению капитала, а наоборот, имеет потенциал способствовать его наращиванию. Однако Грегори утверждает, что озвученные выше положения неверны, и в дарообмене не содержится ресурса для накопления капитала.

Система, в которой человек дарит, чтобы получить больше, не может быть воспринята как система накопления капитала, потому что в действительности происходит растрата капитала. Максимизируются не входящие потоки, а исходящие. Поскольку в конечном счёте происходит максимизация статуса, реальный способ достичь этого – максимизировать поток, проходящий через человека. В качестве иллюстрации обратимся к императиву щедрости, действующему в меланезийских сообществах, которые исследовал Малиновский. Для того чтобы быть щедрым, необходимо, конечно, некоторое количество имущества, и косвенным образом – накопление входящих потоков. Однако

⁴⁴ Мосс М. Очерк о даре // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература»; РАН, 2001. С. 103.

⁴⁵ Gregory C. A. Gifts to men and gifts to God: Gift exchange and capital accumulation in contemporary Papua // Man. 1980. P. 626-652.

⁴⁶ Gregory C. A. Op. cit. P. 626-627, 636; Franz B. Kwakiutl Ethnography, ed. by Codere H. Chicago: University of Chicago Press, 1966.

бигмены максимизируют не входящий поток, а общий поток ресурсов, проходящих через них, благодаря чему обеспечивают свой высокий статус.

Тем не менее, Грегори пытается выяснить, какой элемент экономики дарообмена мог бы стимулировать к накоплению капитала, если, конечно, такой элемент вообще существует. На основе собственных материалов исследования меланезийских деревень и предыдущих трудов антропологов он показывает, что системы дарообмена действуют по-разному в зависимости от того, кому предназначаются дары – людям или богам. Как было показано ранее, стандартный *потлач* с конкуренцией за престиж управляется мотивацией, не способствующей накоплению капитала, а значит, и экономическому росту, так как в нём присутствует противоположная логика, ориентированная на максимизацию исходящих потоков ресурсов. Эмпирические случаи, которые рассматривает Грегори, хронологически упорядочены. Система даров людям («престижный» дарообмен) со временем сменяется системой даров богам или Богу⁴⁷. Вместо борьбы за статусное, престижное положение между аборигенами, лидеры начинают соревноваться за то, кто из них принесет бóльший дар Богу. Таким образом, по мнению Грегори, система даров богам и отличается от системы даров людям тем, что в ней содержится механизм, запускающий процесс накопления капитала.

Чтобы показать, почему механизм накопления капитала соответствует системе даров Богу, а не системе даров людям, Грегори создаёт четырёхмерную модель различения между даром и товаром. 1. Дар и товар отличаются по характеру взимания процента или по характеру долга, возникающему в дарообменных отношениях и в товарных отношениях. В дарообмене достаточно учитывать тот факт, что при каждой итерации дарения одна из сторон оказывается в долгу перед другой, и не происходит арифметического роста капитала, как это возникает в ситуации рыночного обмена при наличии процентной ставки. 2. Дарообмен подразумевает не-взаимозаменяемость предметов, циркулирующих внутри системы. Эту идею Грегори перенимает из теории сфер обмена, и в качестве побочного сюжета критикует классика этой теории Пола Боханнана, который полагает, что деньги размывают границы между сферами обмена и разрушают сообщество как таковое⁴⁸. Оспаривая тезис Боханнана, Грегори утверждает, что деньги могут адаптироваться к системе сфер обмена, и необязательно будут её разрушать. Например, когда деньги обмениваются только на деньги, монеты на монеты, купюры на купюры, они встраиваются в сферы обмена. 3. Дар понимается как обмен неотчуждаемыми предметами между теми, кто находится в состоянии зависимости, в

⁴⁷ В данном контексте речь идет о насажденном христианстве.

⁴⁸ Bohannan P. Some principles of exchange and investment among the Tiv // *American Anthropologist*. 1955. P. 60–70.

противовес товару, рассматриваемому как обмен отчуждаемыми предметами между теми, кто находится в состоянии независимости. Отсюда следует, что переход от дара к товару означает, с одной стороны, разрушение взаимозависимости, а с другой стороны, появляется возможность отчуждения предметов. 4. В центре системы дарообмена находится воспроизводство людей, для неё люди – это главное; как отмечал Мосс, в ней нет обязательственного права, а вещи неразрывно связаны с человеком. Товарная система направлена на воспроизводство вещей, она противостоит системе дарообмена так же, как класс противостоит клану, или как фабрика противостоит системам родства.

Итак, благодаря обозначенному четырёхмерному различению между даром и товаром Грегори показывает, как в системах даров Богу срабатывает механизм накопления и снимается барьер экономического роста. Основополагающий момент заключается в том, что в системах даров Богу возникает возможность для отчуждения неотчуждаемого без перехода к товарным отношениям. В таких системах существует посредник, действующий от лица Бога и отличающийся радикальным образом от тех, кто обычным способом участвует в системе дарообмена. Посредник способен совершить отчуждение вещи (дара) от исходного владельца, потому что не входит в систему дарообмена путём конкурентного участия и действует в ней не от своего лица⁴⁹. Таким образом, система размыкается, неотчуждаемое отчуждается, и возникает пространство для накопления капитала – как это происходит в Меланезии, где возник рынок труда, разрушивший традиционную экономику.

Помимо различения систем даров людям и даров Богу, для нас важное значение имеет описание функции того, кто выступает посредником от лица Бога в системе дарообмена. Применительно к нашим задачам – в этой роли выступает священник. За счёт того, что он одновременно является и не является участником дарообмена, система дарообмена размыкается и развивается, образуя возможность для накопления капитала и не замыкаясь в контуре ограниченного продукта. Особенность священника состоит в том, что он отчуждает неотчуждаемое, действует от лица того, кто разблокирует систему дарообмена. Это создаёт существенные возможности для запуска процессов дарообмена.

Ключевой вопрос состоит в том, способен ли любой священник запустить эту систему. Согласно одной из теологических моделей функции священника, священник

⁴⁹ Из проповеди священника в N-ском храме (см. сноску 42): «Это самый низкий молитвенный уровень – просить. Молитва язычника. Но без этого никак. Почему человек начинает просить? Потому что понимает, что сам ничего не может. Поэтому в этом прощении проявляется смирение. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Это смирение проявляется в том, что человек расписывается в своей немощи: “Все, я больше не могу, теперь, пожалуйста, явись сам, управь в нашей жизни хоть что-нибудь”. <...> Господь всегда подает нам то, что мы просим. Но Он ждет и ответной реакции. Мы же должны как-то на это чудо отреагировать, хотя бы благодарным сердцем своим вернуть и компенсировать вот Его затраты нашей любовью».

всегда имеет две ипостаси. С одной стороны, он репрезентирует для верующих Христа и коммуницирует с Господом. С другой стороны, он руководит общиной и сам является её частью⁵⁰. В таком случае, мы можем предположить, что священник всегда вынужден иметь дело одновременно с двумя угрозами: он рискует либо полностью потерять контакт с людьми, либо полностью лишиться сакрального статуса. В первом случае он выходит из системы дарообмена, а во втором случае в глазах прихожан перестаёт играть роль репрезентации бескорыстной инстанции и начинает выглядеть подобием мелкого капиталиста. Ключевая задача священника состоит в том, чтобы избежать обеих крайностей – только в этом случае он способен запустить процесс формирования сообщества с помощью системы дарообмена⁵¹.

⁵⁰ Zulehner P. M. Kirche und Priester zwischen dem Auftrag Jesu und den Erwartungen der Menschen: Ergebnisse der Umfragen des Instituts für Kirchliche Sozialforschung Wien über "Religion und Kirche in Österreich" und "Priester in Österreich"; Herder, 1974.

⁵¹ Из интервью со священником: «То есть для некоторых священников главные приоритеты это богослужение. Люди уже, как паства, как приход это уже второй... ну, как бы на второй план отходят или там на третий. А для некоторых священников вот это чуть ли не первоочередная, да? То есть служба это служба, это центр всей жизни, но это не... не вся жизнь прихода. И если священник еще как-то заботится о какой либо структурированной деятельности, да? То есть вот именно по разделам, да? Там, то есть социальная сфера, там преподавательская сфера, какая-то обучающая и так далее. И тогда вокруг и люди прибавляются и прибавляются».

Заключение

Социальные теории имеют обыкновение формировать реальность незаметно. В обыденной жизни мы руководствуемся представлениями о человеческой природе, которые даже не рефлексируем – они кажутся нам самоочевидными, и мы вряд ли сочли бы их заслуживающими обсуждения. Между тем, все они так или иначе произошли из какой-либо антропологической доктрины, и им есть альтернативы. Не видеть этих альтернатив – означает делать невозможными вещи, в которых ничего невозможного нет.

Устойчивое объединение людей в сообщества – одна из таких вещей. Если руководствоваться доминирующими сегодня взглядами на устройство человека, то сообщества – практически нереализуемая фантазия. Те, кто мыслит себе человека рационально выбирающим существом, будут готовы допустить лишь временные объединения в целях совместной максимизации полезности; если такие условия отсутствуют, то сообщество становится невыносимым, а избегание сообщества – единственно рациональной стратегией. Те же, кто убеждён, что единственным способом образования коллективов является администрирование, будут возлагать все надежды на государство и вряд ли допустят, что возможно самопроизвольное формирование солидарности. Как показывает история, между этими позициями не так много различий.

Теория дарообмена выступает альтернативой как теории рационального выбора, так и теориям абсолютной власти. В её основе намного более сложная модель взаимоотношений между людьми: люди по своей природе склонны к взаимной симпатии, но каждое движение навстречу другому – это риск оказаться в уязвимом положении и одновременно вызов. Готовность пойти на этот риск (доверие) и форма ответа на вызов (конкуренция и кооперация) определяют режим взаимодействия между людьми. В некоторых случаях этот режим превращается в устойчивое сообщество с постоянными и самоукрепляющимися актами взаимности. Иными словами, стремление к жизни в сообществе опирается на мотив одаривания Другого. «Желание делать добрые дела» – это энергетический потенциал, возникающий из стремления самопреодоления и обращения к другому человеку, и этот потенциал намного сильнее как мотива максимизации полезности, так и готовности к пассивному подчинению.

В то же время, как мы показали, мотив дарения может быть активирован в определённых условиях – лишь после его включения в отношения дарообмена, а не до этого. Иными словами, мотив дарения обычно проявляется как мотив отдаривания. Замкнутого круга здесь можно избежать только за счёт выполнения особых условий дарообмена – за счёт включения в дарообмен стороны, которая не может иметь корыстных намерений. Одной из таких парадигмальных бескорыстных фигур является

священник – не только в силу демонстративной бескорыстности, но, главным образом, в силу того, что он приносит дар «не от себя» и принимает дар «не для себя». Иными словами, в игру вводится инстанция принципиального бескорыстия – инстанция, которая только и может придать смысл процессам дарообмена. Это означает, что у священника есть некоторые специальные возможности, чтобы активировать мотив дарения, запустить процесс дарообмена и превратить такой дарообмен в регулярное взаимодействие. Дарение со стороны священника и стимулирование прихожан к адресному дарению способно апеллировать к базовым принципам дарообмена, управляющим человеческой социальностью.

В связи с этим промежуточным выводом, который мы намеренно формулируем в заострённом виде, возникает несколько вопросов. Возможно, главный из них состоит в том, почему по видимости одни и те же действия в одних случаях запускают цепь актов дарообмена, а в других – нет? Достаточно ли использованного нами словаря теории дарообмена, чтобы объяснить эти различия? Кроме того, так же как священник стремится создать прочную общину, собственник пытается организовать реальное товарищество владельцев недвижимости; студент – структуры студенческого самоуправления; а работник – систему взаимоподдержки в организации. В чём особенность каждой из этих ситуаций с точки зрения теории дарообмена?

С другой стороны, можно спросить, всегда ли возникновение такой системы дарообмена является желательным? Не будет ли она способствовать эксклюзивности, замыкая членов сообщества в собственном кругу и противопоставляя их исключённому из дарообмена окружению? И наоборот, не могут ли связанные с дарообменом мотивации использоваться в корыстных мотивах – для повышения статуса, подчинения или даже элементарного вымогательства? А если могут, то какие пределы этому можно положить?

Поставленные вопросы носят как позитивный, так и моральный характер. Они, с одной стороны, призывают к столкновению теории дарообмена с другими подходами и расширению её аппарата, а с другой – указывают на необходимость её моральной критики. Однако если теории следует оценивать как с точки зрения их реалистичности, так и с точки зрения их способности менять реальность, то проверка теории дарообмена становится не чисто академическим вопросом, но и вопросом практики построения сообществ.

Литература

1. Батай Ж. Понятие траты // Ж. Батай. Проклятая доля. М.: Логос, 2003.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
4. Бурдьё П. Практический смысл; СПб.: Алетейя, 2001.
5. Годелье М. Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007.
6. Грэбер Д. Долг: Первые 5000 лет истории. М.: Ad Marginem, 2015.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
8. Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса //М. Мосс. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. С. 404–434.
9. Малиновский Б. Аргонавты Западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2001.
10. Мосс М. Очерк о даре // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература»; РАН, 2001.
11. Парк Р.Э. «Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок». Социологическое обозрение Т. 5, № 1. 2002. С. 11–18.
12. Тённис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002.
13. Юдин Г. Моральная природа долга и формирование ответственного заемщика // Вопросы экономики. № 3. 2015. С. 28–45.
14. Bohannan P. Some principles of exchange and investment among the Tiv //American Anthropologist. 1955. P. 60–70.
15. Derrida J. Given time: I. Counterfeit money; University of Chicago Press, 1992.
16. Franz B. Kwakiutl Ethnography, ed.by Codere H. Chicago: University of Chicago Press, 1966.
17. Grant B. The captive and the gift: cultural histories of sovereignty in Russia and the Caucasus. Ithaca: Cornell University Press, 2009.
18. Gregory C. A. Gifts and commodities; London: Academic Press, 1982.
19. Gregory C. A. Gifts to men and gifts to God: Gift exchange and capital accumulation in contemporary Papua //Man. 1980. P. 626–652.
20. Liebersohn H. The Return of the Gift: European History of a Global Idea. New York: Cambridge University Press, 2011.
21. Parry J. The Gift, the Indian Gift and the 'Indian Gift' // Man, New Series, Vol. 21, No. 3, 1986. P. 453–473.
22. Sahlins M. Stone age economy; Chicago-Nueva York: Aldine-Atherton. 1972.

23. Simmel G. *The Philosophy of money*. Ed. D. Frisby. N. Y.: Rutledge, 1990.
24. Strathern A. *The Rope of Moka: Big-men and Ceremonial Exchange in Mount Hagen, New Guinea*. London; New York: Cambridge University Press, 1971.
25. Strathern M. *The Gender of the Gift: Problems with Women and Problems with Society in Melanesia*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1988.
26. Sykes K. *Arguing with anthropology: An introduction to critical theories of the gift*. London; New York: Routledge, 2005.
27. *The Gift: An Interdisciplinary Perspective* / Ed. by A. Komter. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996.
28. *The Logic of the Gift: Toward an Ethic of Generosity* / Ed. by A. Schrift. New York; Oxon: Routledge, 2008.
29. Weiner A. *Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While Giving*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1992.
30. Yeh E. *Taming Tibet: Landscape Transformation and the Gift of Chinese Development*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013.
31. Zabaev I., Zueva A., Koloshenko Yu. *Humility and The Gift: The Elective Affinity of Institutions and Ethics in Orthodox Parishes // Economic Sociology*. Vol. 16, No. 5. 2015. P. 118-139.
32. Zulehner P. M. *Kirche und Priester zwischen dem Auftrag Jesu und den Erwartungen der Menschen: Ergebnisse der Umfragen des Instituts für Kirchliche Sozialforschung Wien über " Religion und Kirche in Österreich" und " Priester in Österreich"*; Herder, 1974.